

Кузнецова Е.В.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Рассказы

Оглавление

ФОМИНИЧНА.....	3
МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ РАЗГОВАРИВАЛ С ДЕРЕ ВЬЯМИ.....	13
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР.....	45
ДОМ.....	78
МЕЛОК.....	88

ФОМИНИЧНА

-1-

Жизнь сводит с разными людьми, они приходят и уходят, оставляя за собой след прочитанной некогда книги. Может быть, на самом деле они были совсем не такие, какими застыли в нашей памяти, но тем ценней этот образ, возвращающий тебя куда-то в десятый том твоей жизни, на пятьсот шестьдесят вторую страницу. Со временем все забывается, ты силишься вспомнить, что сказал твой седьмой начальник, случайный попутчик в поезде, батюшка на исповеди. Слова, слова... Кому они нужны, кроме тебя? Но почему так вертится в голове чья-то полузабытая фраза, чье-то лицо? Почему приходят эти забытые уже, случайные люди в часы бессонницы, всплывают в обрывках снов и дум?

Фоминична не была для меня обычным человеком. Вернее, человеком она, конечно, была, может быть и лучше многих из нас, но какая-то неотмирность сближала ее со сказочными героями. Так существуют феи, вол-

шебницы и домовые. Был ли у нее дом? Да, наверное, был. И скорее всего это была не избушка бабы-яги и не терем, а обычная квартира с бытовыми удобствами. Но все это было где-то не в моем мире. В моем мире она появлялась ниоткуда и исчезала в никуда. Если бы в очередной раз Фоминична прилетела ко мне на метле или на ковре-самолете, я бы не удивилась.

Сколько ей было лет, я тоже не знаю: может семьдесят, а может триста. Маленькая, худенькая, в морщинах – такая как тысячи других бабушек, и все же – неповторимая. Сверкал у нее в глазах хитрый огонек – без возраста, и казалось, что знает она что-то очень важное, а главное следует какой-то только ей известной цели.

Первый раз Фоминична появилась в моей жизни лет десять назад во Дворце культуры. Где она узнала о существовании нашего детского клуба, не знаю: казалось, она просто знала все.

- Узнала вот о вашем клубе, девочку-сироту к вам привела, чтобы друзей ей нашли. Пообщаться бы ей надо с ребятами... Что я, бабка, могу ей дать? Девочка она не

общительная, молчит все время, - сказала Фоминична примерно так.

Рядом с бабулей стояла девочка лет тринадцати, поглядывая на нас исподлобья и, явно не расположенная к разговорам. Девочку звали Даша. Даша училась в кадетской школе-интернате в районном городке, она была сиротой. Как оказалась Фоминична в интернате, я не помню, вроде бы там учились ее внуки. Да, да, у нее были внуки! Как у совершенно обычной бабушки. Но это скорее легенда.

- Я всю жизнь никого не любила, - сказала мне как-то раз Фоминична, хитро прищутив глаз, - ни детей, ни мужа. Жила, да жила... Муж умер, дети выросли и разъехались. И теперь у них нет потребности во мне. Сама виновата.

Это были размышления пожилой женщины, анализ своей семидесятилетней жизни. Веяло от этих слов чем-то страшным, замершим. Да и говорила она спокойно, без эмоций, как факт.

- Я подумала, что надо полюбить кого-нибудь, пока жива, принести пользу. Вот и решила Даше помочь.

Ох, любовь! Откуда, из каких глубин, забытая уже и не желанная, вдруг протягиваешь ты свои щупальца. И сжимают они горло до боли, до слез. Есть любовь мужчины и женщины, родителей и ребенка, есть любовь к родным полям и березкам, а есть то, о чем спорят тысячелетия философы всех времён и народов: верующие и атеисты, учёные и агностики. А потом раз, и семидесятилетняя старушка говорит: душит меня что-то непонятное, любовь какая-то, душит. Кому отдать ее? Куда направить эти щупальца? Кому дать свою заботу? Кто избавит меня от этого неподъемного груза?

Даше пришлось испытать на себе чувство вдруг проснувшейся любви Фоминичны. И она эту любовь не выдержала.

- Идём мы с Дашей по перрону, солнце светит. А я ей говорю: перрон то тёплый, давай ляжем и полежим на нем. Лежим мы с Дашей на перроне и в небо смотрим!

Фоминична исчезла на пару лет.

Появилась она как всегда неожиданно в волонтерском движении помощи детям-сиротам. Бабушка-волонтер пожелала посещать реабилитационный приют для детей в надежде найти новый объект своей заботы.

На этот раз выбор Фоминичны пал на одиннадцатилетнюю Карину, дочку алкоголиков. Ее бабушка-волонтер и решила полюбить: ходила к ней в приют, беседовала, приносила печенье и конфеты, брала ее погулять, пока Карину не определили в интернат за сто пятьдесят километров от города. Фоминична ездила и туда, добираясь на электричках, автобусах и даже пешком. Карину я с тех пор не видела. Какие воспоминания остались у нее от бабушки, ее временной бабушки?

- Больше не хочу никаких сирот, - скажет позже Фоминична, и по ее виду понятно – раз решила, так уже навсегда, - только привяжешься к ним, а они уходят.

Уходят, как и все в этой жизни. Но разве кто-то сказал, что этот мир – вечный? Одиночество не зависит от возраста, наличия семьи, знакомых.

Раньше Фоминична ежедневно звонила мне, в подробностях рассказывая, как прошел день. Но так тяжело ложится на душу чей-то одинокий груз: столько лет он копился, что стал совсем неподъемный. Я стала брать трубку все реже и реже. Постепенно Фоминична звонить перестала, может поняла меня - она ведь знала всё, а может это я поменяла номер - задуматься об этом не было времени и интереса.

Порой я встречала Фоминичну в магазине православной книги «Слово». Когда-то это было место встречи всех странных людей города, куда можно было просто зайти и сказать: здравствуйте, я Фоминична (Ивановна, Егоровна...) и я хочу любви (ненавижу жидов, не согласна с властью). По меньшей мере, тебя выслушают. Встретившись с ней в «Слове», я не удивилась: есть люди, которые просто теоретически ни могут не встретиться.

Так же неожиданно Фоминична появилась в монастыре, в котором в то время базировался наш православный лагерь. Впрочем, этому уже никто не удивился - бабушка стала неотъемлемой частью нашего коллектива.

Существовала она где-то рядом, но совершенно автономно, не обращая на нашу жизнь особого внимания. Зачем она приходила – не знаю, но она знала точно, на этот случай у нее было припасено несколько объяснений. У нее всегда были какие-то свои, тайные и важные задачи и цели.

Приходила Фоминична, не как можно было предположить - с остановки, а совершенно с другой стороны. Так и стоит она у меня перед глазами - бабушка с букетиком земляники.

- 3 -

В этот раз, появившись почему-то со стороны реки, Фоминична шла с идеей в глазах.

- Где отец Глеб?

Отец Глеб, настоятель монастыря, милостливо впускал к себе всех, потерявшихся в этом мире. В монастыре жили бомжи, алкоголики, наркоманы, погорельцы и мы.

- Решила я ему подарить козу. Вот проснулась ночью и думаю: надо бы отцу Глебу козу подарить. И сразу к вам.

Фоминична настолько была полна решимости, что мне показалось, что коза уже стоит где-то рядом и тихо блеет. Может быть даже с козлятами.

Слух о дареной козе быстро пошел по монастырю. Смотрящий за всеми потерявшимися в этой жизни, двадцать лет отсидевший в местах не столь отдаленных, Димыч, оценив возможности Фоминичны, послал ее к отцу Феодосию, который отвечал за хозяйственную часть этого духовного общежития.

Об отце Феодосии можно писать много, но лучше – один раз услышать. Иеромонах когда-то давным-давно из-за разногласий с епископом снял рясу и с тех пор обитал на монастырской кухне, называя себя просто – Никто. На всех людей отец Феодосий смотрел с жалостью, как на заблудившихся в этом мире, умственно отсталых, слепых и глухих одновременно.

Фоминична побежала искать отца Феодосия, движимая своей идеей. Через некоторое время, она возвратилась довольно потрясенная: - Не представляете, что случилось. Отец Феодосий умер!

Как умер? Что вы? Только утром траву косил! Шум и переполох! Кто сказал? Откуда известно?

- Иду, мужик какой-то бородатый траву косит. Спрашиваю у него: мне б отца Феодосия. А мужик отвечает: отец Феодосий умер. Поэтому, отца Глеба бы мне, - подытожила Фоминична

К счастью, все обошлось без жертв. Косивший мужик и оказался тем самым отцом Феодосием, который привык всем отвечать: отец Феодосий умер. Умер давно для этого мира...

А от козы все отказались: своих хватало. Вот так очередной позыв Фоминичны к доброму делу оказался без ответа.

Когда мы с лагерем переехали в село Хотылево, и Фоминична появилась там, объясняя, что где-то тут могилка ее двоюродного брата, никто не удивился. А она,

по привычке, по-хозяйски, прошла в трапезную и принялась мыть посуду.

В последнюю нашу встречу Фоминична пришла к нам в офис с большими старыми книгами.

- Вот, принесла вам книги. Словари. Хорошие книги, нужные. Всего за шестьдесят рублей купила на распродаже, - протянула она нам словарь Ожегова и философский словарь.

Все уставились в открытые страницы.

- Суффиксы вот, окончания, - продолжала она, - разбор слова есть. Хорошие книги, боюсь пропадут они у меня, редко дома бываю. Пусть у вас постоят.

Моя коллега полезла в шкаф.

- И вам, Галина Фоминична, хотим подарочек сделать. Тютчев вот, наш земляк, стихи прекрасные.

- Я не хочу я никаких книжек, - Фоминична всегда говорила только то, что думала и никак иначе, - не запоминаю я их. Я просто купила. Хорошая книжка – словари.

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ РАЗГОВАРИВАЛ С ДЕРЕВЬ- ЯМИ

По рощам блаженных, по влажным зеленым холмам.

За милую тенью, тебя поджидающей там.

Прекрасную руку сжимая в своей что есть сил.

Ах, с самого детства никто тебя так не водил!

*По рощам блаженных, по волнообразным, густым,
Расчесанным травам — лишь в детстве ступал по та-
ким!*

Александр Кушнер

-1-

Посреди ночи Тимофей проснулся. Было душно. В свои последние дни лето словно хотело отыгаться за все несвоевременно пролитые дожди. Тимофею вдруг захотелось открыть окно. Ночью, в темноте на улице наверняка должно происходить что-то волшебное и страшное. Люди, собаки, кошки – все спят. Даже птицы спят. Даже цикады умолкли. Мир замер. Одни деревья только стоят

вечными часовыми. Тимофей подошел к окну. Страшно. За окном тимофеевой комнаты стояло дерево, его ветви почти доставали до подоконника. Если потянуться, то можно было дотронуться до его листвы. Дерево было старым и корявым, некоторые его ветви давно засохли. Тимофей не знал, как оно называется. Дерево просто всегда было – как были стены, крыша, электрический столб рядом с домом.

Тимофей знал берёзу: красивая, как царевна, она не похожа на другие деревья - ствол ее белый, а весной на ней гроздьями висят сережки. Папа показывал ему березовую кору – бересту. Раньше, когда не было бумаги, на ней писали. Тимофей проводил по бересте пальцем, кора была нежная на ощупь, как кожа ребенка. Ещё он знал дуб - у него волнистые красивые листья и желуди. Из желудей они ещё в садике делали поделки. Знал Тимофей клён. Его листья - как раскрытая ладошка. Это были его самые любимые листья - осенью они становились разноцветными. Около школы рос каштан. Он был горд,

ведь осенью на нем созревали гладкие коричневые каштанчики.

А это дерево он не знал, хотя вот оно, рядом, только протяни руки! И Тимофей протянул. Листва зашумела, две ветви, как две руки, потянулись к мальчику и легли к нему на ладони.

- Здравствуй, Тимофей.

Листья шуршали тихо-тихо, но ночью каждый звук слышен отчётливо, как в пустой комнате.

- Здравствуй..... те... Откуда вы меня знаете?

- Я знаю тебя, Тимофей. Я слежу за тобой с тех пор, как ты родился. Я видела, как ты был совсем маленький и мама мыла тебя в ванночке, слышала, как ты кричал по ночам, как не хотел по утрам идти в садик. Иногда ты смотрел на меня, а я на тебя.

Тимофей молчал, чувствуя, что вот и пришла его самая волшебная и страшная минута. Хотя нет, страшно ему не было.

- Только ты не знал меня, - продолжало шептать дерево, - смотрел и не видел. А вот теперь мы знакомы. Я

– липа, я давно здесь живу, с тех пор, как построили этот дом. Нас, деревья, посадили рядом, чтобы людям была тень и отрада. Тогда я была совсем маленькая, такая, как сейчас ты. Я росла постепенно: сначала познакомилась с людьми, которые живут на первом этаже, потом на втором, потом доросла и до третьего.

- Я ... Я не знал, что деревья могут видеть, простите, липа, -Тимофей покраснел, - ну и разговаривать там... я не знал...

Ему стало стыдно, он то смотрел и не замечал ее, и даже не знал ее названия!

- Я умею разговаривать не со всеми, ведь меня нельзя услышать ушами.

Тимофей потрогал свои уши: - А чем?

- Я не знаю, что-то есть у вас, у людей. Когда вырастишь, ты поймешь это.

Они молча смотрели друг на друга: мальчик и липа.

- Когда-то давно, когда тебя еще не было на свете, здесь тоже жил мальчик. Его звали Леня. Мы с ним часто разговаривали.

- А что стало с ним потом? Где он сейчас?

- Вырос.

Подул ветер, он дул все сильнее, сильнее... Створки окна стали вырываться, хлопать. Дерево шумело, и Тимофей уже не мог разобрать слов.

-2-

Утром Тимофей проснулся с ощущением, что он забыл что-то очень важное, но он чувствовал, что это важное как-то связано с окном. Тимофей посмотрел в его сторону. Погода испортилась, моросил дождь. С его кровати были видны кусочек неба и ветви дерева. Тимофей закрыл глаза. Словно давно просмотренный фильм, кадр за кадром он вспоминал своё ночное происшествие. Какой странный сон! Как наяву! Мальчик посмотрел на руки, они то помнили ощущение прохладной листвы.

Нехотя Тимофей вылез из кровати и подошёл к окну. На улице было прохладно и сыро, окно открывать не хотелось.

- Здравствуй, дерево, - он опять забыл, как его зовут.

Дерево молчало и качало ветвями. Тимофею стало жалко его. Он то дома, в тепле, а оно будет стоять под дождем весь день. От сухой ветви отвалилась веточка и упала на подоконник.

*****

Вечером за ужином Тимофей спросил:

- Мама! А деревья умеют разговаривать?
- Не знаю сынок, может друг с другом и умеют.
- А с людьми? Со мной, например?
- С людьми, наверное, нет.

- Маам, - Тимофей лениво ковырялся в тарелке с картошкой, - представляешь, если бы растения все понимали и все слышали. Они бы следили за нами, а мы бы и знать не знали! Вот, например, твой огромный цветок в комнате, сколько бы он мог рассказать про нас, если бы заговорил!

Мама как-то нервно улыбнулась, и переглянулась с папой.

- А что, дорогая, Тимка дело говорит. Интересно, а среди деревьев тоже были бы умные и глупые, добрые и

злые? Если бы у деревьев было сознание, то появились бы злость и предательство. Злые деревья и деревья сплетники! Брр... Пусть уж лучше молчат!

- Я бы дружила со своими цветами, ведь я за ними ухаживаю, - возразила мама.

- Да? А если бы фикус был неблагодарный. А орхидея просто глупая болтушка? Ты бы не выдержала и отнесла их на рынок. А они бы нашептывали новым владельцам интересные истории про своих прошлых хозяев.

- Ну вас и фантазии! Лучше бы вы ели молча, как деревья, - засмеялась мама.

- Mam, а как называется дерево, которое растет около моей комнаты?

- Липа.

-3-

И снова школа! В этом году Тимофей пошел во второй класс. Про сон он уже забыл. Уроки! Упражнения по письму, математика... Ещё папа водил Тимофея на борьбу. Тимофей мечтал стать сильным и научиться

драться. Тогда он сможет побить Артема. Артем жил в соседнем подъезде и ходил с Тимофеем в одну школу. Каждое утро они вместе шли по одной дороге и по этой же дороге возвращались назад. Артем все время дразнился. Вечером, когда никто не видел, Тимофей отжимался от пола, а потом смотрел в зеркало, насколько он стал сильнее.

Недавно они с Артемом поссорились окончательно. Тимофей шел из школы со своими друзьями и вдруг увидел Артема. Тот старательно пытался отломать от молодого деревца большую ветвь.

- Не ломай деревья, - Тимофей оттолкнул мальчика.

- Чего ты мне указываешь? Мне нужна большая палка, я буду делать лук, - Артем дал сдачи и продолжил отламывать палку.

- Я сказал не трогай! – рядом с Тимофеем стоял его друг Андрей.

Артем прикинул, что силы не равны и отошел. Издалека он погрозил Тимофею кулаком: - Смотри, ты у меня еще получишь! Нашелся здесь хозяин!

Тимофей подошел к деревцу и погладил его, ветка безнадежно повисла.

- За что ты его? - спросил Андрей.

- Нельзя ломать деревья, разве нас не учили в школе?

Они молча пошли дальше.

- Андрей, у тебя есть секреты, которые никто-никто не знает? – спросил Тимофей друга.

- Не знаю, – задумался тот.

«Я обязательно расскажу Андрею про Мое дерево. Но не сейчас, не сегодня».

-4-

Как-то вечером папа объявил, что в выходной они поедут в лес за грибами, и его, Тимофея, возьмут с собой. В прошлом году он уже ездил с родителями за опятами. Папа показал ему, какие грибы надо собирать и

даже дал маленький складной ножик Тогда Тимофей очень устал. Лес был завален деревьями, ходить было трудно. Грибов - полчища, но все они одинаковые.

Папа достал книгу о грибах, и они вместе с Тимофеем рассматривали картинки. Вот белый гриб. Папа сказал, что он самый ценный. Мальчик вспомнил, как родители привозили белые грибы: один был огромный, размером с голову. Вот бы найти такой! А это маслята. Тимофею они не нравились - маленькие невзрачные. Почему мухоморы не съедобные? Они очень красивые! Вот их бы Тимофей насобирал. Ещё Тимофею нравились подосиновики – яркие, крепкие. Они называются так, потому что растут под осиной, а подберёзовики - под берёзой. Тимофей вспомнил про Своё дерево. Теперь он запомнил его название. Интересно, а есть грибы - подлиповики?

- Пап, а есть такой гриб - подлиповик?

- Нет, такого нет. Есть моховик, он растёт во мху, а опенок назвали так, потому что он растёт на пнях.

- Жалко. Пап, а ты знал такого мальчика Лёню?

- Что за Лёня? Он твой друг?

- Нет. Он уже вырос. Наверное, такой же большой, как ты. Мне кажется, он жил в моей комнате.

- Хм..., - папа задумался.

*****

В эту ночь Тимофей не мог заснуть. «Почему под липой не растут грибы? Если б я мог, я бы посадил для своей липы подлиповики. Вот бы она была рада!».

Он встал и подошёл к окну: - Здравствуй, липа.

Ему захотелось открыть окно и потрогать листья, но мама не разрешала, да и за окном было темно и страшно. Липа стояла как живая, ее корявые руки замерли - ветра не было. Когда Тимофей шел из школы, он потрогал ее ствол. Кора была твердая, бугристая. Где-то там, в глубине, должна течь кровь дерева. Папа сказал, что кровь у деревьев желтая и липкая, это смола. «Кора, как броня, - подумал мальчик, - деревья привыкли защищаться». Он посмотрел на свои руки, на тонкую белую кожу и они показались ему нежными и беззащитными, - вот бы людям такую кору.

- Ну липа, что же ты молчишь? Расскажи мне ещё про мальчика Лёню. Почему ты разговаривала с ним? Наверное, он был умный, много знал, и конечно никогда не ломал деревья. Тимофей вдруг вспомнил Артема, и решил сделать десять отжиманий.

Сон навалился так быстро, как бывает только в безмятежном детстве. Тимофей спал, а липа заглядывала в окно и шептала ему: "Спокойной ночи, мальчик». А потом долго и печально смотрела на свои корни: где, где же они эти загадочные грибы - подлиповики?

-5-

Утром субботнего дня вся семья - мама, папа, Тимофей и дедушка поехали за грибами. Было облачно, но тихо и безветренно, а воздух - свеж и прозрачен. Казалось - никогда им не надыхаться!

Вот свернули с трассы, пошла дорога в ухабах. Тимофей, сколько себя помнил, всегда боялся таких дорог. Ему казалось, что машина опрокинется, и они навсегда увязнут в черной страшной колее. Бывало, машина за-

стревала в грязи, и папа долго подкладывал под колеса палки и доски. Потом они выезжали, поднимая вокруг себя фонтан брызг. Тимофей сидел молча, стараясь, чтобы никто не видел его страха. Папа свернул на поляну и остановился. Все наконец-то вышли из машины, с ведерками, ножиками, и вошли в лес.

Что это был за лес! Это был не тот лес, в котором Тимофей собирал грибы в прошлом году - непроходимый и серый. Это был лес - дворец, лес - райские кущи, лес королей и королев. Тимофею вспомнились все рассказы о Рае и о деревьях, которые росли там. Древо жизни и Древо познания добра и зла - они просто обязаны расти в этом лесу.

Мальчик шел вслед за мамой. Папа с дедушкой убежали куда-то далеко-далеко. Под ногами был мох: не обычный мох, а Мох, шикарным ковром расстилавшийся у подножия леса. "Если бы я был Царем, - мечтал Тимофей, - я бы заказал себе домой такой ковёр. Сколько бы он стоил? Нет, он не смог бы быть таким, дома все лесное выглядело бы мертвым". Ему захотелось полежать на

этой лесной перине. Украдкой от мамы он лег. Мох был холодным и влажным. Тимофей гладил его ворсинки, пытаясь впитать в себя это великолепие. И тут он увидел гриб. Первый свой гриб!

- Мама! Я гриб нашел! Что это за гриб?

Гриб лежал на ладонке, маленький и крепкий

- Это подберёзовик, - сказала мама, - видишь в этом лесу есть берёзы. Вот он тут и вырос.

Тимофей посмотрел: вокруг были берёзы, были сосны и ещё какие-то серые деревья. Все деревья стояли с царским, важным видом. Ведь они обладатели ТАКОГО леса. Выглянуло солнце, оно светило сквозь листву, словно через стеклышки калейдоскопа, и лес становился золотистым. "Ну, да, это же деревья-богачи", - и Тимофей вдруг вспомнил про свою липу.

Как ему захотелось пригласить ее в этот лес. Она бы здесь сразу преобразилась. Тимофею вдруг стало жалко все городские деревья. Они показались ему бедными, пыльными, уставшими, даже гордые каштаны около

школы. Как они оказались там? Почему покинули свой дом?

Тимофей нашёл ещё два гриба. Видел он и мухоморы. Те специально стояли прямо по центру поляны: знали, хитрые, что их никто не возьмёт, вот и красовались. Тимофею хотелось их потрогать, но он побоялся.

Ковёр из мха здесь был украшен красными бусинами. Мама сказала, что это брусника. Полезная ягода, главное не спутать ее с ландышами - вот они ядовитые. Тимофей запомнил: у брусники были глянцевые темно-зеленые листочки, словно сделанные из пластмассы. Ягоды были красные, яркие, но горькие. Тимофея они как будто манили: съешь нас. Он морщился, но жевал.

Послышался стук, ещё и ещё.

- Мама, что это?

- Это дятел, он стучит по дереву, ищет там жучков себе на пропитание.

Мальчик поднял голову вверх, на дереве мелькнуло что-то красное и опять застучало уже в другом месте. "Как же дружно здесь все живут". Пару раз Тимофей по-

падал в сети: пауки раскидывали свою паутину между деревьев. Потом он и их рассекретил. Научился приглядываться: вот она! Из уважения к паукам мальчик обходил паутину стороной. Сколько трудов стоило сплести такую красоту.

-6-

Папа принес два ведра грибов, высыпал в машину и убежал опять далеко в лес. Папа имел знания! Его лес любил и одаривал. А у него, у Тимофея, в ведёрке лежали несколько грибков: два подберёзовика, три сыроежки, и ещё какой-то гриб, название которого он не помнил. Тимофею стало обидно: как же найти эти грибы, которые так умело от него прячутся?

"Здесь обязательно должен быть хозяин, хозяин леса. Может быть это леший? Нееет, это лесовичок. Старичок- лесовичок".

- Старичок-лесовичок подари мне грибок, - Тимофей засмеялся. Он стал вглядываться в лесной мир, надеясь отыскать ответ на свою просьбу.

И вдруг ягоды брусники стали больше, они уже переливались рубинами - яркими рубинами на зелёном ковре. Паутина засверкала перламутром, точно серебряные нити натянулись между деревьев, давая знак - здесь не ходить! А все паучки, как по команде повернулись и кивнули мальчику. Дятел отбивал барабанную дробь, больше похожую на военный марш. Казалось, из чащи сейчас выйдут строем все лесные жители.

Тимофей почувствовал себя совсем маленьким. «Я здесь лишний», - подумал он и посмотрел наверх. Блеснуло золото. Куда же так нарядились эти берёзы? Зачем надели золотые бусы? А рядом с ними, как мужественная охрана стояли темные серьезные сосны. «Наверное, они никогда не улыбаются». Осины (теперь Тимофей знал их название) были серы серостью строгих тетушек. "Думаю, не раз попадало от них берёзкам за весёлый нрав", - Тимофей съежился, словно боясь, что достанется и ему.

Марш становился все громче.

Вдруг кто-то положил на плечи Тимофея руку. Мальчик вздрогнул и обернулся: это упала ветка. Под ней он увидел гриб - большой белый гриб, о котором мечтал.

- Спасибо, лес!

- Бери мальчик, - услышал он в шелесте листьев.

Деревья зашумели, словно совещались: давать ли ему ещё грибов?

- Здравствуй, мальчик, здравствуй, здравствуй, - это был шепот Его дерева, и все-таки другой.

Под ноги вдруг упала дорожка из мха. Такой мох Тимофей ещё не видел: он вился под ногами зелёными змеями, а вверх тянулся то ли ростками, то ли цветами - стройными светло зелёными конусами.

"Мох-оползень", - Тимофей дал ему название.

Дорожка вела прямо к раскидистому дубу. "Как я его не заметил сразу?" Дуб был сказочный - старый - старый дуб. Да нет, он не старый! Он вековой! По срав-

нению с маленькой тимофеевой жизнью - это был вечный дуб.

Мальчик пошел к дубу. Он чувствовал, что надо было что-то сказать:

- Я знаю липу!

Шелест усилился.

- Он знает липу, он знает липу, - донеслось со всех сторон. В воздухе запахло любопытством.

- Ты наш гость, - сказал дуб, - а гостям - самое лучшее.

Тимофей увидел, что лес СМОТРИТ на него. С интересом глядели красавицы-берёзы, с добротой - серые тётушки осины (теперь они уже не казались мальчику сердитыми), сверху снисходительно наблюдали великаны сосны. И отовсюду слышался тихий шелест-шепот. Лес как будто вывернулся наизнанку! Тимофей видел каждую ягодку, каждую травинку. Даже облысевшие кустики черники принесли ему свои последние, настоянные на ушедшем лете ягоды. Казалось, каждый гриб теперь зазывал: возьми меня! Были тут крепкие подберёзо-

вики и яркие подосиновики, важные белые и простушки-сыроежки, розовые стеснительные волнушки и смелые рыжики. Поодаль скромно стояли несъедобные грибы. Они словно говорили: посмотри и на нас, мальчик, и мы для чего-то нужны этому лесу.

А сколько птиц! Где же они были раньше? Как хорошо маскировались в густых ветвях! Вот по коре дуба ползет жук. Он серьёзен. Ему нет дела до Тимофея, он спешит по своим делам. И пауки продолжают свою кропотливую работу. Все живое, и все живёт.

- Бери, сколько хочешь, мальчик.

Тимофей посмотрел в ведёрко на срезанные им грибы.

- А грибам не плохо? Ведь я их сорвал.

- Ты что! - зашуршали травы, - уж мы то знаем, что грибы только и мечтают попасть к грибнику в корзинку. Каждый хочет служить своему делу, иначе просто сгниешь. Но люди такие не внимательные!

- Как интересно у вас! - с восторгом сказал мальчик, - жалко только, что вы не ходите. Скучно, наверное, про-

стоять всю жизнь на одном месте? Моя липа вон сколько лет стоит рядом с окном! А я бы хотел, чтобы она смогла прийти к вам в лес.

Деревья засмеялись. Дуб смеялся громче всех, ветви его шумели, а жёлуди трепетали и щелкали.

- Да какая ж это радость - носиться по всему свету? Так и корни сносишь! Глупо уходить оттуда, где твоё место: уйдешь, а когда вернёшься - здесь уже молодая поросль, или обосновался орешник. И еще не известно, что в другом лесу лучше!

- Да разве здесь скучно? - хрустально звенели берёзки, - вокруг столько жителей! Не успеваем за зиму отдохнуть, как весной снова все оживает. И каждый год новое, интересное.

- Была у меня одна пчела, так она..., - начал ландыш, но его перебили сотни голосов.

- А я бы попутешествовала, - мечтала какая-то травинка, название которой мальчик не знал.

- Что ты! - перебила ее другая, - поверь, муравьи везде одинаковые!

Поднялся гул, всем хотелось высказаться.

И вновь заговорил вековой дуб, Тимофей понял, что он здесь главный:

- Вам, людям, нужно все время двигаться, вы слишком слабы для жизни на этой земле. Слишком слабы, поэтому злы и пугливы... Мы же с ней - единое, мы вращаем в нее своими корнями, а ветвями уходим высоко к солнцу.

Тимофей заметил, что он сидит на поваленном дереве, и вскочил:

- Простите, мне кажется, я сел на вашего товарища. Что с ним?

- Не волнуйся, это старый клен. Когда-то его свалила буря. Сиди, сколько хочешь, он был бы рад.

- Растения тоже умирают, - печально сказал Тимофей. Мама говорила, что люди, когда умирают, попадают в рай. Если они хорошо себя ведут, конечно. А что будет с деревьями?

- Мы уже в Раю, - улыбнулся дуб.

- Как интересно, - снова зашелестели любопытные берёзки, - не каждый день попадаются говорящие мальчишки. Расскажи нам что-нибудь о себе, о том месте, откуда ты пришёл.

- Можешь и у нас спросить, что захочешь, - зашумели сосны.

Тимофей задумался. Недавно, они с Андреем возвращались домой из школы. Липа встречала их, приветливо качая ветками.

- Андрей, а вот если бы деревья разговаривали, что бы ты у них спросил?

Андрей задумался:

- Я бы спросил у них, где спрятаны древние клады. Деревья так долго живут, они точно должны знать. Вот бы мы разбогатели! Но жалко, что они молчат.

Тимофей засмеялся:

- Худо бы пришлось тогда преступникам! Вот своруй-ка что-нибудь, когда на тебя смотрят столько глаз!

Сейчас Тимофей почему-то стеснялся спрашивать про клады.

- Я живу в городе с мамой и папой. Дети должны жить с родителями, пока маленькие. Ещё у меня есть друг Андрей, он хороший, мы с ним часто выдумываем фантастические игры. Я учусь в школе, как все дети. Эх, там много уроков, надо сидеть за партой, делать домашние задания. Люди должны учиться, а потом работать.

Деревья слушали внимательно, и, как показалось Тимофее, с жалостью качали головами.

- А ещё есть один мальчик, его зовут Артем. Он мне не нравится - все время меня дразнит. Если б вы знали, как мне хочется побить его, чтобы не воображал! Он даже ломал деревья!

- Может ты дашь ему моих ягод, тогда ему вряд ли захочется ломать деревья, - лукаво предложил ландыш.

- Нет, нет, что вы! У людей так нельзя!

Тимофей поспешно перевел тему: - Ещё у меня есть липа, она такая же, как вы. Только растёт не в лесу, а в городе, около моего дома. Мне жаль её, вот ей бы точно

не помешало ходить. Она бежала бы оттуда со всех ног! Ведь у нее нет ТАКОГО леса. Только уголок дома и три окна: на первом этаже, втором и третьем. Вот ей и приходится разговаривать со мной. Ее листья не такие яркие, как ваши, они покрыты пылью городских дорог. И каждый может ее обидеть. Хотя, кора у нее крепкая, я трогал.

Деревья слушали внимательно. Даже жучки и муравьи, сновавшие туда -сюда по своим бесконечным делам, замедлили ход.

- Твоя мама ищет тебя, Тимофей. Нам пора расставаться, - сказал дуб.

- Проси у нас, что хочешь, ты гость, - повторили деревья.

Тимофей уже не раздумывал: - Я хочу, чтобы моя липа попала в такой лес, как ваш.

Дуб покачал головой: - Нет, такую просьбу мы не можем выполнить, да и не надо. Каждый из нас служит на этой земле. Не просто так мы стоим здесь столетними сторожами. Кто-то служит птицам, а кто-то людям, кто-

то даёт жильё белкам и совам, а кто-то становится письменным столом или рамой для картины. Это – Закон, и его нельзя нарушать. Но не забывай, Тимофей, о нашем вечном Рае! Твоя липа связана с нами теснее, чем ты можешь себе представить. Не волнуйся, она всегда с нами.

- Мы могли бы рассказать тебе о старинных кладях и о благородных разбойниках, о неведанных зверях и волшебных существах, живущих в затаенной чаще, о том, что происходит в глубинах земли, куда уходят наши корни, и о том, что выше небес - куда устремлены ветви. А ты спросил о липе, - сурово промолвили сосны.

- Но ты получил большее, ты получил нашу дружбу, мальчик.

Вдруг мир вокруг Тимофея стал сворачиваться: исчезли пауки, не стало видно вечно снующих муравьев, ландыши прикрыли свои ядовитые ягоды, а грибы словно попрятались под листочками. Деревья стали как будто меньше, а мох - не таким зелёным.

- Тимофей, Тима, - откуда-то появилась мама. Она подбежала к мальчику и обняла его.

- Где ты был сын, почему не отзывался? Мы искали тебя! Слава Богу, ты нашелся!

Мама посмотрела на его ведёрко: - Сколько грибов ты набрал! Надо же! Но никогда, слышишь, никогда не уходи от меня в лесу.

Тимофей смотрел на мамины слезы, ему стало жалко ее, ведь он совсем забыл о родителях. Мальчик прижался к маме и они долго стояли, обнявшись. "А ведь дети чем-то похожи на деревья, - думал Тимофей, - у них тоже есть своё место. Рядом с мамой".

-9-

Тимофей Александрович не ходил по этим улицам двадцать пять лет. Когда то, давным-давно, родители переехали за полторы тысячи километров, забрав с собой дедушку и бабушку. Уехали, оторвав Тимофея от всего, что он любил, от всего, что было родным и близким, от

места, куда он начал вращать своими еще неокрепшими корнями.

Как бьется в груди сердце! Сколько раз за эти годы он прокручивал в голове этот путь. Город оказался не таким, каким помнил его Тимофей, некоторые места он не узнавал. Городской парк. Здесь он гулял здесь сначала с родителями, а потом с друзьями. Надо же, многие аттракционы остались те же. Тимофей купил билет на «Вихрь». Ветер дул ему в лицо, он закрывал глаза, пытаясь уловить то, что никогда не возвращается. А может и не было ничего из того, что так долго хранилось в особом, выделенном именно для этих воспоминаний месте? Со временем Тимофей уже не различал, где была явь, а где сны.

Почему такие маленькие улицы? Все было каким-то поблекшим, чужим, раздражало обилие новых магазинов и больших заборов. Это дом Нади. Тимофей остановился, раздумывая. Сколько раз, в свои пятнадцать лет, он также стоял, не решаясь зайти. Тимофей искал ее в социальных сетях, но не нашел. Так и осталась она в его

памяти девочкой с растрепанной челкой. Может и хорошо? Может и не надо заходить?

Здесь жил Артем. Его лучший друг Артем. Позже они любили вспоминать со смехом свою детскую вражду. И уже вместе ходили на борьбу, меряясь своими накаченными мышцами. Артем сейчас живет в Москве, они иногда встречаются. Пока мы молоды, нас зовет куда-то вечная дорога. Нам кажется, что мир обозрим и постижим: еще немного и мы его постигнем, мы догоним кого-то, кто бежит впереди нас. Но со временем понимаешь, что ничего ты не постиг, и догонять-то было некого, да и не надо. И тянет вернуться в свое начало, чтобы замкнуть этот бесконечный бег в вечность.

В этом городе у Тимофея не осталось близких родственников, не осталось дедовых могил – бабушка с дедушкой приехали сюда на комсомольские стройки, не осталось близких друзей и дома. Почему же столько лет он рвался сюда? Почему столько лет эти мысли не давали ему жить? Столько раз он ходил в этот уголок своей

души, как в тайный музей, покрытый паутиной снов и забвения.

Сейчас Тимофей понял - почему. Он не скучал по этим улицам, которые даже не вызвали у него долгожданных эмоций, не скучал по давно забытым и изменившимся друзьям. Он скучал по тому мальчику восьми лет. А может по тому, кому навечно осталось пятнадцать.

Школьный двор. Школа все та же. Только стала какой-то маленькой, старой и жалкой. А когда-то она казалась Тимофею могущественным оплотом! Он гладил ее стены. Внутрь зайти постеснялся, пришлось бы долго объяснять что-то сидящему на входе охраннику.

Он шел по до боли знакомой дороге. Интересно, сколько раз он ходил по ней? Откуда здесь столько деревьев? Когда они могли вырасти такими большими? Ведь деревья растут так медленно! Как все странно устроено: медленно и в тоже время в один миг.

Голова кружилась. Вот его дом. Неужели он такой? Все как будто состарилось, поблекло, уменьшилось в

размерах. А вокруг - рекламы и магазины, яркие плакаты и вывески. Город - как престарелая женщина, которая накладывает тонны косметики, желая обмануть окружающих. И довольно ловко! Они привыкают к ее виду, не замечая возраста. Только тот, кто не был здесь двадцать пять лет, способен увидеть за новыми декорациями давно забытые черты.

Его липа. Она еще растет. Интересно, сколько ей уже лет? Ведь, когда то, тридцать лет назад она была точно такой же! Тимофей обнял ее за ствол и, как к матери, прижался щекой к жесткой, не ровной коре.

- Здравствуй, липа.

Когда-то он привел сюда Надю и рассказал ей про Свое дерево. Надя уверяла, что и она слышит ее голос. Они стояли вот так же, взявшись за руки: он, липа и та девушка из снов. Стояли, прижавшись друг к другу и к этому жесткому стволу, слушая как текут где-то в глубине дерева соки, слушая, как бьются их сердца. А потом он в первый раз поцеловал Надю, и он видел, как липа качает ветвями, радуясь за своего маленького друга.

- Здравствуй, липа!

Липа молчала, молчала, как молчат с чужим, неизвестно откуда взявшимся человеком. Тимофей посмотрел вверх, на ее ветви. С кем ты сейчас разговариваешь, милое дерево? Какой мальчик смотрит на тебя из окна? Как его зовут? А может это девочка?

- Здравствуй липа!

Как попасть в твой мир из того, нового, в который ушел когда-то безвозвратно мальчик Леня, а потом он, Тимофей? Куда ушли Артем, Андрей, Надя, молодые папа и мама, еще живые бабушка и дед. Мы слышим не ушами. А чем? Где находится то удивительное шестое чувство? Тимофей обязательно найдет его. Но не сейчас. А сейчас пришло время закрыть на замок эту потайную комнату, пока не разлетелись оттуда старые воспоминания, былые теплые образы, пока не смешались, не растворились, не сменили свои лица и голоса.

Тимофей в последний раз посмотрел на свои окна и кивнул Своему дереву.

- Прощай липа!

И уже вслед, он может поклясться, услышал ее шепот: - Прощай, мальчик.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

1. Ингрия.

Солнце зашло над Калевалой, утонуло, уснуло в болотистой Снежети. Спи, спи и ты, старый Вейнямейнен, хватит, не смотри на огромные звезды, которым нет числа.

По берегам Снежети ютились три рода. На равнине, рядом с оградой Божьего дома - Лапландия. Им нельзя уходить в леса, слишком юны и слабы. За рекой - другие земли, спрятанные от врагов в лесах. Если пойти от речной переправы налево по лесной дороге, то наткнешься на огромное спиленное дерево с таинственными знаками. За ним - земли Сариолы, род мудрого Вейко. Дальше глухой лес. И только мы знаем, что где-то там, не видимый для людских глаз спрятан род Эмиля - маленький

клочок земли Ингрии. Если случится вам пойти от переправы направо, то вы окажетесь в царстве Туонелы. Каждый из нас побывал там хотя бы раз. Здесь время течет по-другому, здесь есть время подумать о прожитой жизни, здесь слагаются героические песни героев и трусливые песни прошедших сквозь стену. Сбоку от Туонелы стоит маленькая хижина Вейнямейнена, он один не боится хозяйки Туони.

Я Керту. Я живу в Ингрии, в небольшом шалаше, вместе с семилетним сыном, второй ребёнок еще всегда со мной. Что занесло меня в эту глушь? Зов каких миров заставил скрываться в непроходимых дебрях вдали от цивилизации, прятаться, опасаться, не спать ночами? А может быть и не иных миров, а своих, родных, сдобренных голосом крови. Неужели я правда жду не дождусь мельницу Сампо? Я не лучше и не хуже других смертных, которые видят ее ночами, которые ныряют за ней на дно морей и океанов, проливают чужую кровь, благословляют осколки Мельницы и довольствуются ими.

Воды у нас нет. Чтобы привезти воду, необходимо долго тащить бочки к переправе и на утлой резиновой лодчонке переплывать на другой берег. Лодка часто спускается, ее уносит течением, рвется веревочная переправа. Но до реки – это только пол пути. Потом козьими тропами, мимо Лапландии, осыпаемые стрелами, мимо засад нужно выйти к Божьему дому и Святому водопою. И обратно - тот же путь с полными бочонками. Поэтому воду у нас ценят.

Днём воздух накаляется до тридцать восьми градусов, но нас спасает лес. На Большой земле сейчас плавится асфальт, а здесь, в сырой тени деревьев - вечный полумрак и свежесть северных равнин. А когда садится солнце, кажется, что нет конца лесному эфиру. Ты слышишь чьи-то шепоты - это дочь воздуха Ильматар поёт свою вечную песнь. А в такт её мелодии танцуют в лесной глуши ежи и ежихи. Их не видно, но они совсем рядом: раз, два, три, раз, два три - топот маленьких ножек гремит в звенящей ночной тишине. И литаврами – ухххххх! Это сова, а потом, вторя ей - аххх! Это ма-

ленькая сова. Так, успокаивая себя, думаем мы, жители благословенных земель Калевалы.

На земли Калевалы сошла ночь, зажглись звезды и костры. С правого берега слышались веселые песни лапландцев, где-то за деревьями, сидя вокруг костра, строят военные планы сариольцы. Только у нас темно. Эмиль говорит, что никто не должен знать, где они, земли Ингрии. Столько раз враги проходили мимо, не замечая в зарослях четыре маленькие палатки.

Мы сидели втроем – я, Лейла и Гувана, прижавшись друг другу, и смотрели на звезды. Вообще, когда-то, в другой жизни их звали Виками, две Вики – старшая и младшая.

- Давайте зажжем хоть свечки, - зашептала Гувана, - поплетем из бисера. Сколько можно сидеть в потемках. Говорят, Глеб совсем заболел, останется в шатре лекаря в Лапландии.

- Он вроде ногу проткнул гвоздем еще, и температура, - добавила Лейла, - рвется в бой, но его не выпускают.

Мы засмеялись. Про боевой нрав Эмиля слагали легенды. Я взяла две красные чашки, служившие нам подсвечниками, и зажгла свечи. Сразу стало уютно, страхи отступили в чашу, их звуки угасли. Ингрия ожила, запрыгали тени по палаткам, где спали дети. Мы переместились за сколоченный из трех грубых досок стол, девушки достали свой бисер.

Глеб – наш старейшина рода Эмиль, без него в Ингрии страшно и скучно.

- Мы одни теперь будем?

- Не знаю. Вчера старец приходил, песни пел. Идите, говорит, туда где небо с землей сходится, ищите небесный колодец. Дети бегали на разведку, говорят, сариольцы путь знают и молчат. Я без Глеба не пойду, - говорю я. Хотя я одна могу беспрепятственно ходить землями Калевалы: я жду ребенка и силы Туони не властны надо мной. Но я не пойду. Хитрость - не лучшее изобретение смертных.

Мы - это три женщины и семеро детей от семи до четырнадцати лет. Кто-то заговорил в палатке: где-то

там, где стираются границы с мечтами и страхами, маленькие ингрийцы все еще торопятся в бой.

- Надо на Совет идти. Первый час уже.

- Сегодня в Лапландии рассказывали, что какой-то сумасшедший у них под столом сидел, подслушивал.

- Что за сумасшедший?

- Вроде из монастыря, коз у них пасет. Дети вытащили его, а он говорит: хочу узнать, где у вас Ингрия, наведаться к ним.

- Аня, вечно ты страху нагонишь.

- Да это дети говорили, я даже не знаю, кто это. Это я так думаю, что, который коз пасет. Он ходит, ходит и сам собой разговаривает. И лучше не прислушиваться к тому, что он говорит...

- Во, блиииин...

Тени продолжали прыгать, на браслетах у девочек бисеренка теснилась к бисеринке. Самые красивые украшения были в Ингрии. Заухала сова.

- Знаю, что сова, но каждый раз пугаюсь, кричит, как убивают кого-то, - содрогнулась Лейла. Ей шестнадцать.

- Девочки, надо идти. Кто здесь остается?

- Я останусь, идите, - сказала Лейла. Она любит одиночество.

Гувана полезла в палатку краситься, она всегда красится, даже перед боем и перед ночным советом. Гувана живет в своем измерении, она все делает медленно. Я слушала тишину... Господи, я лечу!

Нам предстояла переправа на лодке. И вот позади остались огни Туонелы, а мы плывем. Весло разрезает воду как масло, мы хватаемся за веревку, чтобы лодку не унесло течением. Ночью вода кажется темной и ледяной, а река - бездонной. Луна дробится и рассыпается на тысячи осколков, которые тонут в ряби волн, разбегающихся от наших весел. Ночь тянет к себе, заставляя вглядываться в её бездны - над нами и под нами. Ночью вода не такая, как днем, ночью в ней открывается вход в Туонелу, и оттуда смеется над нами лукавый Ахти. Он то

уж точно знает, где спрятана мельница Сампо. Мы не знаем.

Мы стараемся грести быстрее, и лодка ударяется о берег.

2. Совет.

Каждую ночь народы встречаются на Совете. Для этого нужно пройти за древние стены Божьего дома. Это место стоит того, чтобы сказать о нем пару слов, ведь за этими стенами меняется время и твоя суть. Здесь, за оградой – осколки множества цивилизаций. Когда-то давно, когда люди были другими, а мир не сошел с ума, здесь был Божий колосс. Дух старцев ощущаешь и сейчас, стоит только остановиться, прекратить бежать. В Другом мире здесь жили дети, всегда дети. После одной из войн старцев разогнали, храмы снесли и поселили здесь детей-сирот. «Не препятствуйте детям приходить ко мне...». А ведь кто то, отрицая Автора, чудным образом выполнял Его повеление. В одной из жизней здесь была детская колония, в другой – детский санаторий, а в

какой то, благодаря непонятному промыслу, здесь появились мы.

Там, где сейчас находится Совет, была санаторская школа. На входе нас до сих пор встречают бегущие радостные школьники, с облупившейся краской на лицах, и вечный призыв давно забытого вождя, а в комнатах валяются книги учета, списки учеников, учебные пособия. Здесь есть даже настоящая лаборатория древних алхимиков с колбами и пузырьками, наполненными непонятной жидкостью. Там страшно.

Последние школьники учились здесь несколько лет назад, может с кем-то из них я даже была знакома. Но, находясь в заброшенных классах, не покидает ощущение, что с тех пор прошло минимум пять столетий, а пожелтевшие книги учета кажутся древними летописями, покрытыми пылью веков.

Мы сошли с лодки. Можно было не зажигать фонари – полнолуние. Вокруг нас светился воздух. И вот опять козьими тропками мимо горящих костров Лапландии, сквозь разрушенные ворота, мимо Дома бро-

дяг... Бродяг здесь много. Дети и бродяги. Из окон слышались крики и ругань. Это Квадрат мечется в полнолуние. Вообще-то его зовут Женя, он болен.

Как всегда мы пришли последними. На Совете уже весело. Старейшины трех родов каждую ночь собираются здесь, чтобы разделить друг с другом возникшие за день проблемы и поделиться радостью. Со стены сурово смотрит на людей в сарафанах и рубашках летчик Камозин. Кипит вода, красные чашки стоят шеренгами. Для нас это не просто чашки, на каждой – несмываемые следы сотен встреч.

У Наташи из Лапландии коса до колен, нигде не встретишь больше такой красоты. И имя у нее под стать ей – Хельми, жемчужина. Наташе тридцать пять, у нее пятеро детей, хозяйство, дом, куры, по профессии она врач. Еще она знает только ей ведомые великие тайны – как успевать всё и везде. Здесь она воительница, ей нет равной в ночных войнах.

- А к Серафиму мама приехала с Большой земли, погостить, - продолжала Хельми свой рассказ, - право-

славная, жуть. Говорит: надо псалмы с детьми петь, а не песни из песенника.

- И что, поете?

-Спела нам парочку. Потом обезвредили: картошку чистила, есть готовила, посуду мыла.

- Добейте трудом!

- Пусть трудится, может уедет завтра...

- Не, она говорит, что ей все нравится. Спать, говорит, не буду, буду костровая. Сидит вот у костра, наслаждается природой. Дети, говорит, ваши, что ангелы Божии, одна радость с ними находиться. Все толкует им про Бога. Я детям говорю сегодня: это потому что вы плохо себя вели, вот мамы и приезжают на помощь, если еще будете не слушаться, еще приедут, - тараторила она.

- Натаааш, как ты думаешь, это педагогично пугать детей православными мамами?

Все засмеялись. Бутерброды со шпротами и печенью трески призывно пахли, забывая запах пыли и мышей. Казалось, вот -вот и зайдет к нам в келью древняя старуха лапландка с сушеной треской.

Миша, скривившись, перебирал консервы: - Не могу уже эту печень видеть, откуда столько печени у нас?

Миша – умный, он кандидат исторических наук, а еще - повелитель слонов, королей и ферзей.

- Закупили много, надо спасать. Ешьте, вкусно же, - это Людмила, наш руководитель, единовластная владычица калевальских земель и всего богатства. Людмила любит экономию и беспорядок. По ее мнению, картофельные очистки гораздо более достойны спасения, чем люди. А беспорядок мы соблюдаем безупречно.

- В прошлый раз свеклы много закупили, - отозвался Вейко, - дети, прошу прощения, из туалетов не вылезали.

Вейко - самый добрый и мудрый из всех старейшин. В другой жизни он работал в какой-то городской газете, но этого уже никто не помнит.

- Свекла полезна для пищеварения. Ешьте печень. Оммм, вкусно! - до кучи были открыты банки с кабачковой икрой.

- Что там с Глебом? Мы с девочками в лесу одни, - меня волновал единственный вопрос. Вика сейчас сидит одна с детьми в лесу в километре отсюда. Там ухаёт сова и топочут ежики, а в десяти метрах от ее свечи спрячутся они, ночные страхи.

- Глебу нельзя пока выходить, пусть полежит у нас. Будет ему уроком, что нельзя воевать на износ, - Наташа была главным лекарем, лечить она любила и умела.

Рассказы потянулись один за другим. Каждый день приносил что-то новое, смешное и интересное. Дети – кладезь положительных эмоций. Днем злишься, ругаешься, устаешь. А ночью, когда Ильматар успокаивает всех смертных, не милы ли они в своих хижинках? Только здесь, наедине с природой - с земляными туалетами-голливодами, с водой из бочек и пищей на костре постепенно отсеивается то лишнее, чем мы обрастаем на Большой земле и тянем с собой, как неподъемный груз. Дети и взрослые, ингрийцы и сариольцы, становятся предельно близки, а каждый день воспринимается, как большая жизнь. Здесь проще, здесь меньше зла, здесь

все свои. Но тем страшнее и стыднее становится за то злое, гадкое, что сидит в нас, и что невозможно скрыть.

- У нас вчера ночью Егор встал, вышел из палатки и пошел куда-то. Я думала, в голливуд. А он постоял около ограды, погрозил кому-то кулаком в лесу и назад пошел. Смотрю, а он спит! Отвела в палатку, на утро – ничего не помнит, – вспомнила я, - дети за день перевозбуждаются и во сне воют.

Хлопнула дверь. А вот и сам Вейнямейнен! Когда-то он приехал из далекой северной столицы, и привез нам свою кровную любовь к Калевале. А нам, диким жителям вятчских лесов были так непонятны суровые напевы Калевы, холод ее качающихся на волнах строф, их протяженность, повторяемость и медлительность.

В Питере его звали Андрей. Он был маленького роста, худенький, с тонкими чертами лица. Но для нас он был матерый человечище - Вейнямейнен. Казалось, Андрей умел все: петь, танцевать, а главное, играть на загадочном инструменте «варгане». А уж если человек умеет

играть на варгане, то он точно должен знать тайну мельницы Сампо.

Если Вейнямейнен был без варгана и кантеле, то обязательно с летописями, секреты которых знал только он сам. Пахнущая чаем желтая бумага и перо... Он появлялся неожиданно и приносил Сказку.

- Давайте уже быстрее расходиться, третий час ночи, спать охота, нам еще тащиться до Ингрии.

Вейнямейнен отбросил свои летописи: - Аня! Чуть не забыл, специально для тебя вез из Питера супер-чай! Завариваешь покрепче и спать не хочется сутки. Сейчас принесу.

И вот он уже колдует над коричневыми комочками чего-то очень вонючего. Черная горькая жижа колдовского напитка обжигает рот.

Девочки старейшины обсуждают жизнь двадцать четвертого ребенка и его родителей. Мне хорошо и весело, я среди своих. Маши, Вани, Вити... Кажется, что так было всегда. Словно никогда и не было Большой земли, никогда не жили мы в Брянске, Твери и Питере, а

вечно скитались по лесам под звуки кантеле. Интересно, сколько может выдержать человек во временном провале? Какие черные дыры памяти затягивают его все дальше и дальше? Как срываются слой за слоем вековечные пласты, обнажая голое первобытное нутро?

Вдруг дверь распахнулась и на Совет ворвались лапландские руководители среднего звена, всегда веселые, шумные и никогда не устающие. Четырнадцатилетняя Маша, Наташина дочка, закричала: - Мама, бегом, Лапландия горит!

Все вскочили с мест и окружили гонцов.

- Сариольцы подкрались к нам, - тараторила Маша, - а мы все спали. А серафимины мамы говорят нам – идите спать, я сама подежурю. А она не знала... А они... свечек по кругу успели поставить. А они все страшные, в черных масках. А мамаша кричит, а все проснулись. Короче, беги, разруливай.

- Православная мама! Ужас какой! - Наташа судорожно сорвалась с места. – Вот будет нам теперь, нажалуется, точно нажалуется!

- Сейчас я им покажу поджог, какой поджог? Почему без моего разрешения? - вскакивает Вейко.

Все побежали в Лапландию. В комнате остались мы с Гуваной и Вейнямейнен, который спал, положив голову на свои Летописи, держа в руке недопитую чашку колдовского чая. Что тебе снится, Вейнямейнен? Какие сказки нашептывает тебе лунная богиня Куу? А может, как прежде, еще молодой, скитаешься ты по водам мирового океана?

- Что сейчас буудет? Неизвестно, когда теперь спать пойдем, - затинула Вика.

Было очень душно. Последний месяц стояла нереальная жара. Я распахнула окно, в комнату ворвался свежий ветерок, а из полной темноты донесся душераздирающий вой поселковых собак.

3. Поджог.

Я стояла и смотрела в окно. В комнате висела оглушающая тишина, как будто и не было здесь разговоров, шума и смеха. Слышно только, как сопит Вейнямейнен,

и скребутся где-то по углам вездесущие мыши. Вика беззвучно плетет браслет. Прошло минут пятнадцать, а может месяц-другой, сейчас я не знаю точно, слышался шум, топот и крики. Весь монастырь разбудят!

В комнату ворвались и потерпевшие, и пострадавшие. Вейко тащил за собой свою бандитскую шайку из пяти человек, о ужас, во главе с моим братом. Вид у них был устрашающий: в камуфляже, с балаклавами на голове.

- Да мы только поиграть хотели, пока вы тут сидите. Что такого мы сделали? – оправдывались сариольцы, срывая маски. Грязные, взмыленные, словно точно с войны пришли.

- Саша – ты дурак. Тебе двадцать пять лет!

- Ребята хотели поиграть, все равно не спят. Мы ж по правилам все делали. Подкрались, дозорных нет, тетка какая-то. Сами виноваты, чего спать ушли?

- Это же дети!

- Какие дети, у нас тоже дети!

- Кончайте базарить!

- Чего все орут!

- Что теперь будет? Мамаша там как?

- Мамаша в шоке. Представляете, сидит, псалмы поет, на звезды смотрит. Тут эти сволочи, как выскочили из темноты, лица черные, страшные, и кричат: город сожжен, вы горите! И свечи кругом... Все повывскакивали из палаток, мама в полуобмороке... Жесть короче. Закроют нас... Надя ее сейчас успокаивает.

- Да нормально все, подкрались так, что просто красота. Все спят, никто не слышит! Хотели знамя стащить, видим, знамени нет, вот и решили, что тогда город подожжем.

Еще долго обсуждалась ситуация. Сариольцев ругали, угрожали, запугивали всеми карами небесными. Потом всем стало смешно, ночь приобретала яркие оттенки. Скучно, когда все гладко.

Пришла Надя, профессиональный педагог со стажем, гроза всех местных забияк. Ее боялись и взрослые, и дети, и даже, мне кажется, насельники Божьего дома.

– Все нормально. Мама успокоена, дети спят. Саша - ты дурак, - скупно подытожила она.

Рефлексиrowали случившееся еще час. С каждым рассказом всплывали все более интересные и веселые подробности. Никто уже не злился на непутевых сариольцев.

- Кстати, сариольцы, знамя отдайте-ка! Нашлись герои, на детей ночью нападать, лбы, – вспомнила Машка

- Да не было у вас знамени. Говорим же, пришли – и нет его. Говорю ж, решили поджечь, нечего знамя прятать, - кипятился главный поджигатель.

- Мы не прятали. Реально, как спать ложились, было оно. Аня, это ваши знамя сперли?

- Мои не брали. У нас не кому. Глеб болеет. Мы даже на этот берег сегодня не ходили.

- Сейчас принесу я ваше знамя, - со смехом отозвался из угла Аско. Аско - наш музыкант, свободный пилигрим. Только он один знает, когда его время прийти в

Калевалу, а когда уйти в земли, которые далеко за горизонтом.

- Я специально спрятал, - сразу не стал отдавать, чтобы знали, что знамя беречь надо.

Аско вытащил из кладовой уже изрядно потертое, с провисшем древком зеленое знамя. На нем был изображен медведь – говорят, род лапландцев произошел от Медведя, наш, игрийский – от Орла, а на сариольском знамени – Олень. Так гласят старинные легенды.

- Иду я значит с переправы, темно уже было, - продолжал Аско, смахивая с флага паутину, - Смотрю навстречу мужик бежит с вашим знаменем. Я его раз за руку: куда несешь? А он: поиграть, мол, с вами хочу. Из монастыря мужик, маленький такой. Ну, знамя я, конечно, забрал у него. Иду, а он вслед мне угрозы шлет.

- Что за мужик? Который коз помогает пасти?

- Наташ, это он у вас под столом сидел, не иначе.

- Да, ошивался какой-то у нас в последнее время. Говорит нам: на тот берег, мол, хочу, посмотреть, - подтвердила Машка.

- Вообще нормально, мы с девочками там одни с детьми. Может он уже там не известно что делает, - я нервно начала собираться, - пойдете уже спать, пол четвертого.

Проснулся Вейнямейнен: - Ребят, что вы так орете? Какой мужик, что случилось?

Все перебивая друг другу начали рассказывать ночные происшествия.

- У нас в Питере похожее было, маньяк в лагере детей выслеживал, потом вожатые его поймали, руки ноги оторвали.

- Пошлите уже назад, кто там вообще с детьми остался из взрослых? – я нервничала. Хотя здесь, при свете электричества, ночные страхи были еще не властны над нами.

- У нас Наташа одна. Все старшие здесь, воевали во-яки.

- А у нас Вика. Вообще сила! Пошлите уже.

Вейко повел своих военнопленных к переправе, мы стали собирать чашки. Настроение у всех упало. Ночное

происшествие уже не казалось смешным, как-то сразу навалилась усталость и раздражение.

- Люд, мы вообще-то там одни, может с нами кто-нибудь заночует? - устало спросила я у властительницы земель калевальских. Только она могла решать такие вопросы.

- Давай, Миша, пока Глеб болеет, поруководишь Игрией? – сказала Начальница. Миша только недавно прибыл с Большой Земли.

Эмиль умер. Да здравствует Эмиль!

Миша вообще хороший парень. Но уж очень рациональный. С ним чудо покрывалось коростой сомнений. Скучно!

Мы вышли на крыльцо, из кустов слышались шорохи. Я выхватила фонарь. Надо спать, нервы никудышные. Из зарослей крапивы на нас уставились восемь горящих точек. Точки передвигались попарно, плыли среди темных, пыльных трав. Я кинула в траву палку.

- Вррмаааау!!!! – точки заметались во тьме, постепенно приобретая очертания.

- Это же коты! - прыснули мы.

За воротами послышался шум. Сариольцы возвращались назад.

- Ребята, лодка проколота!

4. Ночь.

Мы вышли через заднюю калитку монастыря. Перед нами раскинулось тёмное поле, вдоль которого серебром струилась маленькая речушка. Мы шли к мосту. Небо уже подернулось молочной поволокой, на поле в свете луны всплыл деревянный крест, шумели сосны, где-то вдали продолжала выть собака.

Непокорные сариольцы убежали далеко вперёд. Переправа теперь недоступна, и мы шли в обход: я, Гувана, Вейко, Вейнямейнен и Миша, который приехал с Большой земли только вчера и ещё не приобрёл своего Имени.

- И вот подходим мы к переправе, смотрим, лодка спущена. Мои как заорут: лодку прокололи! – рассказывал Вейко.

- Правда что ли, прокололи, или сама спустилась?

- А кто последний плыл?

- Мои сариольцы плыли. Они не помнят. Мол, ударилась о берег, да и все. Там резина порвана.

- Может об корягу?

- Блин, а мужик тот к лодке с флагом бежал, кто знает?

- Аско говорил, к переправе направлялся, наверное, он проколол, - заключил Миша.

- Да ну тебя, он спит уже давно. Чего пугаете?

- Чего так собаки сегодня воют?

- Говорят, собаки воют, если кто-то умер.

Ночью не покидает ощущение, что людей нет. Нет вообще. Одни мы остались во всем мире. Реально ли то место, в которое мы так спешим?

Наша компания прошла сосновый перелесок. Кирпичная кладка монастыря осталась позади, мы перешли мост и остановились на перепутье нескольких дорог.

- Как пойдём дальше, через «Дружбу»?

«Дружба» – это заброшенный детский лагерь. Сейчас все заброшенное. Меняются эпохи, и то, что было живое, важное, значимое для многих, вдруг безвозвратно уходит. Куда – мы не знаем. Наш мир тоже когда-то уйдет туда. А что останется здесь? Там, где когда-то радовались дети, ели, спали, играли теперь зияют пустыми глазницами здания. Те здания, что побольше и получше, еще пытаются для чего-то сберечь. Но время берет свое... Сколько ночей мы провели здесь, в «Дружке», превращая легенды в быль, воскрешая страхи и вытаскивая наружу десятки непонятых «Я». Постепенно забудутся походы на речку, футбольные матчи и веселые игры, но навсегда останутся в памяти маленьких калевальцев бегающие по стенам заброшенных подземелий огни факелов, годами будут помнить они, как залезали ночью в окно разрушенного замка, где, скованная мстью, вечно томилась душа не упокоенного рыцаря.

- Я не пойду через «Дружку», - испугалась Гувана, - там сегодня собаки воют.

- Пойдемте через лес, я дорогу знаю, - предложила я. Мы сошли с асфальта. Дорога свернула в лес, оставляя в темноте остатки веселых детских башенок.

«Дружба» – не единственный заброшенный лагерь, таких сейчас много. Если пройти еще с километр, можно найти совершенные руины, в которых еще различимы веранда, поросшая травой, остовы качелей и непонятные, полужасыпанные погреба. Так рушатся цивилизации.

- Я в детстве в лагере здесь был, еще тогда ходила легенда о Белом монахе. По ночам, особенно при полной луне, его душа бродит вокруг монастыря, - начал Миша.

Вика взвизгнула: - Миша, прекрати! Но я тоже слышала, дети любят страшилки.

- Да вообще непонятно, кто сейчас страшнее: Белый монах или сумасшедший из монастыря, который нас поджидает в Ингрии. Ждет-не дождется, когда же мы с Совета вернемся. Строит планы мести, - засмеялась я.

- Ань, не смешно, на самом деле, - нахмурился Миша, - сумасшедших много и случай вполне реален. Я буду на дозоре ночь у костра сидеть, не бойтесь.

- У нас в Питере тоже привидения ходили по заброшенному музею, оказалось, один псих лазал. Всполошились, когда девушки пропадать начали. А то все тоже толковали – Белый рыцарь, Белый рыцарь....

- Андрей, перестань. Мне страшно!

- Вик, они специально пугают. Мальчики, хватит, и так страшно.

Мы свернули на лесную дорогу. Была уже не ночь, но еще и не рассвет. Воздух вокруг напрягся и замер, лес затих, деревья точно впали в оцепенение. Ожидание жизни. Луна была, словно огромная дыра, через которую смотрел на нас, маленьких и одиноких людей, чей-то всемогущий глаз. Казалось небо сейчас рассмеется над нами. Я вскрикнула: из-под ног выпрыгнули какие-то мелкие существа.

- Кто это! Смотрите сколько их здесь!

Дорога кишела жизнью. Это были маленькие птички. Они были везде, бегали по дороге туда-сюда, словно движимые паникой, и разбегались из-под наших ног в

траву. Мы попали в сказочную птичью страну! Никто не ожидал нас здесь увидеть в четыре утра, вот и паникуют.

- Это ж птицы! Кто знает их название?

- Может чибисы? Песня еще есть такая – «у дороги чибис». А что он делает у дороги?

Пройдя сквозь птичью дорогу, наша компания в лес. Здесь было темно, словно и не было молочного ожидания рассвета.

- Мне Олег рассказывал, что в монастыре тоже ходят призраки монахов. Он все время удивлялся, как мы в школе ночуем. Даже за бутылку водки, говорит, не остался бы там. Даже за две не остался бы...

- А за десять остался бы? – засмеялся Вейнямейнен.

- А чего монахи в школе ходили? Детей пугали?

- Нее, там уже не школа была, уже какие-то послушники жили, видели.

- Я там одна ночевала, - сказала я, - никто не приходил, глупости это все. Мы же не монахи, чего бесам нас то пугать. В патериках написано, что они монахов, послушников страхуют. Мы то не святые.

- Да после двух бутылок еще не такие призраки видятся.

Мы пробирались через кусты. Казалось, лес был удивлен неожиданному ночному вторжению. Вот и поляна Туонелы. Над ней, перебивая друг друга, летали сказы тех, кто попал в руки Туони. «Я погиб в бою с медведем», - пел тихий ветерок. «Я прошел сквозь стену битв...», - шептали ветви деревьев. «А я знала тайны лечебных трав»... При нашем приближении все умолкло.

- Ну все, я дома, удачи вам, - попрощался Вейнямейнен.

Мы пошли дальше. Все молчали, дорога и усталость брали свое. Вот и поваленное дерево с таинственными знаками, здесь начинаются земли Сариолы. Вдали виднелся костер и слышались смех и голоса. Неугомонные сариольцы обсуждали ночное нападение.

- Пойду своих воинов укладывать, - сказал Вейко, - Всех детей перебудили. До завтра, то есть до утра, то есть, до пробуждения.

Мы втроем пошли дальше, земли Ингрии были самыми дальними. Случайный путник, проходивший по лесной дороге, никогда бы не заметил немного помятый куст на обочине. Вдоль него мы и свернули к себе. В городе было тихо, в палатках сопели дети, догорала последняя свеча, а Лейла спала, положив голову на стол.

- Вика, вставай, иди в палатку, - растрясли мы ее, - завтра расскажем наши приключения.

- Ну вы и ходите, утро уже, - Лейла залезла в палатку и тут же уснула.

- Девочки, вы главное, не бойтесь, - уверенно сказал Миша, - я вас буду до утра охранять, спите спокойно.

Миша развел небольшой костер и завернулся спальник. Через пять минут он уже спал, обняв топор.

Тишина звенела! Казалось, кто-то невидимый ходит вокруг нашего города.

- Миииш! Миииш! Ты спишь что-ли? - я толкала дозорного, - Мииш, там в кустах кто-то.

- Мммм, я все слышу, - пролепетал страж и повернулся на другой бок.

Мы расползлись по палаткам. Я прижалась к своему теплому маленькому Эрки. Наверное, это глупость, беременной женщине жить в лесу и не спать в пять утра. Наверное, это большая глупость. Надо в город. Надо вернуться. Кто там топает? Или это деревья шумят?

Я вылезла из палатки. Миша мирно спал. Лес был полон жизни: что-то шелестело, кто-то топал, шаги то удалялись, то приближались. Что за дискотека в это время? Почему ночные жители так взволновались?

- Вик, ты спишь?

- Нет, - раздалось из палатки, и голова Гуваны высунулась наружу.

- Страшно, топает кто-то.

- Наверное, ежики.

- А чего так громко? Разве ежики ТАК топали? Вдруг это ОН???

-Мииш, Мииш, топает кто-то, Мииш...

Миша мирно спал и казалось десять маньяков не в силах вырвать его из царства сновидений.

- Ань, давай топор у него заберем. Вдруг маньяк придет, а тут топор на самом видном месте.

-Давай.

Гувана потащила топор в палатку. Миша спал. Я тоже улеглась. Топоты, топоты... У Вики топор... Запели первые птицы... Страхи боятся птиц. Все злое боится птиц. Птицы несут радость, жизнь, день.

И я уже плыла на лодке, под пение кантеле, лодку уносило все дальше, а прекрасные северные девы махали мне вслед своими белыми покрывалами, покрывала ложились на воду, превращаясь в лебедей и лилии. Я знала, куда плыву. Где то здесь старуха Похьёла уже запирает на замок луну и звезды, а кузнец Ильмаринен собирает осколки своей благословенной Мельницы.

*****

Наверное, это игра, я не знаю точно. Но кто сказал, что игра – это детские выдумки? Кто сказал, что здесь ты менее реален, чем в той большой игре под названием жизнь? Кто видел ту границу, где кончается Один мир, и начинается Другой? Я искала ее, пока была возможность,

ловила ее, нападала на след. Мне повезло, мне немного удалось постоять у той черты, за которой начинается Страна безвозвратно ушедшего детства.

ДОМ.

- Пойдёмте с нами дом строить?

Перед нами стоял Вовка с лопатой. Предложение нас не удивило, удивило скорее то, что у Вовки была лопата.

- Ты что ль главный строитель? - хмыкнула я. Мне очень хотелось строить дом с Вовкой, но этого никак нельзя было показывать.

- А то! Я и Димыч, не хуже, чем другие.

С рыжим Вовкой мы учились в одном классе и жили в одном доме. Нам было по двенадцать лет, и все наши главные события происходили во дворе. Школа, родители - всё это было лишь окаймлением той детской дворовой жизни.

Мы с Олькой, моей лучшей подругой, уже час сидели на лавке и болтали ногами.

- Мы ещё подумаем. Ань, может лучше на дамбу пойдём погуляем, - протянула Олька, так, как будто ей и вправду хотелось на дамбу. Мы продолжили болтать ногами, и смотреть куда-то за Вовку, как будто его не существовало.

На самом деле ни на какую дамбу нам совершенно не хотелось. Мы сидели на этой лавке битый час только для них, для мальчишек. И смотрели мы на Вовку всеми своими четырьмя невидимыми глазами. Но это - между нами.

- Ну что, идёте или нет? Вон, уже Димыч бежит, мы пошли, короче.

Из подъезда выскочил долговязый Димка, размахивая рюкзаком. Димыч тоже учился в седьмом классе, но в другой школе. А в нашем доме жила его бабушка.

Медлить было нельзя, мы слезли с лавки и направились в сторону оврага. Овраг - это не яма. Овраг - это посёлок, деревня посреди города, с козами, петухами, три-

тонами и загадочными заброшенными садами. Овраг - это наша деревня, наши тайны.

Впереди шли Вовка с Димычем и с лопатой, сзади тащились мы с Олькой. Мальчишки - это мальчишки, даже если они рыжие и смешные, без них - никак. Мы бы пошли за ними на край света.

До нас долетали обрывки их мужских разговоров.

- Мужчина должен уметь строить дом
- А мои предки на даче...
- А мы с отцом, когда машину делали...
- Главное в этом деле инструмент...

Мужчины любят такие разговоры, они - хозяева жизни. Девочки обычно говорят про подружек или кино-актёров, ну и конечно про мальчиков.

Мы шли, а невидимые ангелы летели вслед за нами, чтобы запечатлеть уходящие в вечность мгновения. Щелк! И кадр навсегда отправляется в огромный альбом Кого-то огромного и бесконечного. Щелк! Впереди идут два мальчика с лопатой и ведут мужские разговоры, а

сзади семят две смеющиеся девочки, которые отдали бы все, чтобы идти вслед за ними.

Дом у Вовки был, вернее это был наш общий большой дом, а уже там у каждого был свой маленький уголок. И даже этот уголок был вовсе не Вовкин, а его родителей. Да и не его родителей: когда-то после войны незнакомые нам люди строили этот дом, кладя кирпичек за кирпичиком, а о нас они тогда и слыхом не слыхивали. Да они поди давно уж умерли, эти строители.

Мы подошли к оврагу и встали на холме, под которым находилась немецкая баня. Пахло свежескошенной травой. Здесь, справа от холма, на склоне оврага стоял домик Бабверы. Бабвера держала коз: Гальку, Катьку, Зорьку, Чернушку и козла Борьку. Это для них она разложила на холме сушить душистое сено. Козы здесь были так же естественны, как и люди.

- Ну и где строить будем? В немецкой бане? Или в заброшке?

- Сама строй в немецкой бане, там все ходят. Надо строить там, где никого нет, чтобы мы прятались от всех, понимаете.

- На склоне будем строить, в зарослях.

- Там же не удобно, мы скатимся вниз!

- А лопата нам на что?

Мы стояли на холме и смотрели на овраг. Щелк! Еще один кадр: зелёным морем разлился посреди города овраг, где-то в его травяных волнах утопают маленькие домики, в которых живет другой, совершенно неведомый нам народ. А посередине оврага возвышается огромным белым лайнером Дворец Пионеров. Это ещё один наш дом. Вернее, не дом, а дворец! Можно было днями ходить из кружка в кружок и никогда не соскучиться.

Самые большие достопримечательности оврага - две немецкие бани. Не знаю, имели ли они к немцам какое-то отношение, мы никогда об этом не задумывались. Бани тоже были для нас совершенно естественны, это был некий рудимент генной памяти поколения двадцатого века. Одна баня, на которой мы стояли, представляла со-

бой канализацию, а вторая, внизу, в овраге - небольшой фундамент от чего-то давно отжившего. Еще в овраге были ручьи с тритонами и осокой, заброшенные сады и ... Но, это совсем другая история.

Мы стали спускаться по склону. Он зарос кустами и деревьями, навеки согнутыми и скрюченными, вцепившимися в землю своими корнями, чтобы не упасть. Корни переплелись друг с другом, они держались за землю, не давая и ей сползти куда-то вниз. Мы с Олькой визжали, и, цепляясь за кусты, летели по склону.

Вовка с Димычем уже осматривали место между четырьмя деревьями, совершенно не реальное, покатое, скрытое от всего мира. Даже неба отсюда не было видно видно, это было царство скрюченных деревьев. Вовка копал землю, разравнивал склон, а Димыч ушёл, вернее сполз на разведку за ветками. Мы с Олькой висели на деревьях, все на что нас хватало - это по девчачьи восторгаться.

- Как классно здесь, уютненько...

- Мне так нравится....

- Никому не скажем об этом месте...

- Надо его как следует замаскировать...

Димыч притащил кучу веток и натянул между деревьями веревки, а мы вешали на них ветки, траву, создавая зелёный, душистый шалаш. Копать было трудно, склон, столько лет укрепляющийся, закаляющийся от оползней, сопротивлялся. Корни лезли под лопату, словно говоря нам: "Кто эти странные дети? А ну, кышь отсюда!"

Нас всех охватила страсть строительства. Как в мальчишках горел огонь созидания, так и в нас с Олькой проснулось то женское, заставляющее расцвести и кусок камня. Нам захотелось тут же украсить это жилище величиной в один квадратный метр, обставить его мебелью, постелить ковёр, принести плиту и тут же сготовить праздничный обед.

- Надо что-то постелить здесь, не сидеть же на земле, - задумалась я.

- Может ветки положим? - Ольга взяла ворох листьев, оставшейся от стен.

- Давай лучше сено принесем, что Бабвера сушит. Классно будет на сене сидеть.

Все были за сено. Мы с Олькой вылезли из оврага и пошли на немецкую баню. Сено пахло! Я вам точно говорю: оно пахло так, как пахнет детство, потом, с годами, все обезличивается и меняет свои свойства. Мы хватали охапки сухой травы, вдыхая ее пыльный аромат, сено волочилось за нами, оставалось на нашей одежде. Мы - сенные человечки!

В третий раз нас ждал сюрприз: сердитая Бабвера. Очень сердитая!

- А ну не трогайте сено! Я сейчас вам дам, воровки! Я для коз сушу, а они сено воруют! Сейчас как отстебаю вас! - Бабвера бегом направлялась к нам, размахивая какой-то веревкой. Мне кажется, что она кричала что-то похуже, но я уже не помню. Мы с Олькой опрометью скатились в овраг, по пути, хватая охапки сена. Нам было смешно, и захватывало дух.

Вовка уже сделал пол. Вот это дом, а мы не верили! Сверху ступенька для сидения, а дальше выровненная

площадка, по бокам - стены из веток. Зелёный домик. Но самая замечательная в нашем доме была крыша. Крыша - это главное. Если в доме есть крыша, значит, это самый настоящий дом. Крыша представляла собой растянутый меж деревьев кусок плёнки от теплицы.

Мы замерли и просто сидели, дыша запахами земли, зелени и сена. Мы в домике, нас не видно.

- Надо еду принести и отметить постройку дома, - предложила Олька. Все были «за». Дом, только тогда дом, когда в нем есть еда. Еда одухотворяет, еда сплачивает жильцов. Без еды - что? - мёртвые стены.

И вот мы уже разворачиваем кулечки: печенье, бутерброды с сыром, яблоки и даже сырники. Нам весело, мы жуем и запиваем водой из стеклянной бутылки.

Щелк! Был бы прекрасный кадр, но ничего не видно, потому что мы спрятаны ото всех.

Мы чувствовали: человек должен строить дом. Человек хочет спрятаться, укрыться, забиться в уголок, отделиться от этого мира. Чтобы сидеть с такими же, как

он сам, чувствовать их тепло, слышать их голос. И есть сырники.

*****

- Мам, а что дальше было?

- Спи уже, ничего не было. Лето кончилось, началась школа, дом наш разрушился, а потом мы о нем забыли.

Сын любил, чтобы я рассказывала ему на ночь сказки, правдивые сказки.

- Мам, а что за народ жил в овраге? Какие они были? Маленькие, как хобиты?

- По виду они были точно такие же как мы, но это только по виду, те, кто живёт в овраге не могут быть обыкновенными.

Я поцеловала сына. Ангел уже касался нас своими крыльями, унося туда, к Вовке и Димычу.

- Мааам, маам...

Я кубарем скатилась назад: - Чего ты не спишь?

- Мам, а Адам и Ева тоже строили такой дом, когда Бог их выгнал из рая? Такой же, как у вас?

- Да, наверное, такой же, только плёнки от теплицы у них не было, спи, - прошептала я, и ангел опять подхватил меня своими крылами.

Мы летели все выше и выше, а где-то внизу строили домики множество адамов и ев: на склонах оврагов и в лесах, в городах и селах, в тропических джунглях и в песках Африки, из кирпича, деревьев, веток, из диванных подушек и пледов, из тканей и овечьих шкур... Чтобы спрятаться от всего мира и есть сырники.

МЕЛОК

Дети притащили его с улицы - столовался в соседнем магазине. Он был красавец: белый с серыми пятнами. Ещё у него были самые шикарные кошачьи глаза, которые мы только видели. Можно сказать, совершенно неземные раскосые зеленые глаза! После долгих раздумий он был наречен Мелком.

Если на улице Мелок выглядел как крупный кот, то в квартире он казался огромным зверем. Наш домашний Дым на его фоне был просто котенком.

И вот в прихожей появилось два лотка и четыре миски. Мелок понял это по-своему: использовал оба лотка, а ел и пил из всех мисок сразу. Он был уверен в себе, этот кот. Он зашел в квартиру с видом хозяина: здесь можно жить. На Дыма даже не посмотрел. Дым, прежде и не думавший, что во всей вселенной есть какие-то коты кроме него, был удивлен и напуган.

На семейном совете мы перебирали версии, почему такой красивый и ухоженный кот оказался на улице, и, откинув все неприятности, остановились на том, что кто-то оставил его здесь при переезде.

Дома Мелок тоже жил по законам улицы. Ел он без разбора - всё, что дают, своё и дымово. А также регулярно выходил на охоту: колбаса, печенье, хлеб – все, что забыли убрать со стола, оказывалось его добычей. Но особенно он полюбил пакет с сухарями, который лежал за холодильником. В него складывали засохший заплесе-

невелый хлеб для соседских коз. Не знаю, чем объяснить такую страсть к черствым булкам и плесени, но сухари он тащил регулярно и съедал подчистую.

Ошарашенный Дым ходил за Мелком, держась в метре от него, настороженно посматривая. Кто это? Что он делает в моем доме? Он ходит в мой лоток, ест мою еду, мои хозяева гладят его. Мелок же, на всех, кто меньше его и не противоположного пола, не обращал никакого внимания. Иногда, когда Дым подходил к нему близко, тот шипел и лениво отмахивался от него лапой. Последней каплей, переполнившей чашу страдания Дыма стало то, что он застал Мелка спящем на его, дымовом ноутбуке. Зачем дальше жить? Зачем теперь еда, вода, родные стены? Дым забился под тумбочку в прихожей и почти не выходил оттуда. Он не ел, не пил, лежал и плакал настоящими кошачьими слезами.

Мы забили тревогу! Мелка срочно нужно было куда-то изолировать. Но, чтобы выпустить сокровище с неземными глазами на улицу не допускалось и мысли. Наконец-то, после долгих баталий сдалась бабушка. К

ней вместе со своим новым хозяйством и переехал Мелок. Конечно на время! Конечно, мы ищем хозяина!

Первым делом Мелок нашёл в новом доме месторасположение мешка с сухарями. На охоту он выходил регулярно, с тщательностью хищника обследуя все труднодоступные места. Колбаса, печенье, сыр, сушеная вобла... Искал он их везде: на серванте и в прихожей, на полочках с рукоделием и в обувнице, в помойном ведре и на кухонном столе.

Бабушкино терпение лопнуло на помидорах.

- Зачем тебе помидоры? - горько вопрошала она, - купила два для салата, они же дорогие! Что ты смотришь, наглая морда? Ешь теперь их, ешь!

Помидоры восстановлению не подлежали, они валялись на полу изрядно погрызанные, и уже не представляли для Мелка интереса.

Но вот наступила минута позора и для этого зверя: Мелка было решено помыть. Не просто помыть, а шампунем от блох. Эта операция долго просчитывалась, потому что силищей кот обладал неимоверной. Отвлекая

Мелка какой-то снедью, на него, как смирительную рубашку, накинули простынь. Части кота вынимались отсюда для мытья по очереди. Как он орал! Все понимали, что месть будет неминуема - страшная месть.

Но самое печальное мы прочитали на упаковке шампуня, когда пути назад уже не было: после мытья пол часа не давать коту облизывать шерсть. Не давать облизывать... Как это возможно? Все уже раскаялись в своей затее, а Мелок смотрел на нас из мокрой простыни взглядом поверженного льва.

Мелка свернули в рулон диванным покрывалом, изпод которого потом долго вытаскивали простынь. Покрывало было жёстким и плотным - шансов у Мелка не было. Рулон с Мелком вручили Мише - он притащил кота домой, ему и держать. Прокричав минут пятнадцать, Мелок смирился и только тихо порывкивал из рулона, а через двадцать минут сдался и Миша. Мелок был отпущен с резонным заявлением: «Плесенью не отравился и этим не отравится». Про второй этап мытья обычным шампунем все предпочли забыть.

На третий день проживания Мелка в новой квартире бабушка сурово выдвинула очередную версию его бродяжничества: "Хороших котов не выкидывают. Это блудный кот. Небось по столам шастал, вот его и выкинули. Вы хозяев ищите? Я его терпеть больше не буду!"

Кстати, вдоволь наевшись, Мелок стал более разборчив к еде. Он уже не кидался на предложенное, выбирая кусочки повкуснее, но все также погрызывал на досуге сухари.

До новых хозяев дело не дошло. Через неделю Мелок заскучал. Он сидел у двери и истошно мяукал, пределы однокомнатной квартиры не давали простора для его бродячей души. Пару раз он был отловлен в подъезде при попытке к бегству. Разбитная кошачья жизнь неудержимо звала его!

И вот, как-то раз, когда мы с Егором одевались, чтобы выйти на улицу, Мелку удалось проскочить. Подъездная дверь тоже оказалась открыта. И, вот она – вожаделенная свобода! Мы вышли вслед. Мелок не бежал, не суетился. На улице он огляделся, постоял несколько

секунд и пошел. Он шел с видом звериного царя, обзревающего свои владения. Мы шли за ним: хотелось посмотреть, куда он пойдет. Может в свой настоящий дом?

Мелок не спешил. Он обошел кругом три многоэтажки. Он дышал осенним воздухом, лениво смотрел на голубей, оглядывал кусты и даже обратил внимание на одну трусливую собаку. Он ни разу не обернулся назад, этот кот. Мне кажется, что он уже забыл эти миски и лотки, как случайное жизненное недоразумение. Впереди была жизнь полная кошачьих приключений, трудностей, боёвок и влюбленностей, впереди была зима. Больше мы его не видели.

Исхудавший Дым выполз из-под тумбочки через неделю, подошел к своей миске и съел все, что там лежало. Жизнь наладилась. Только что-то надломилось в его кошачьей душе, что-то изменилось во взгляде, исчезла прежняя непосредственность кошачьего первозданного рая. Дым в первый раз познал настоящую жизнь.